

Социально-философская и психологическая проблема субъекта¹

Основная проблема статьи — как осуществляется переход от философского уровня определения места Человека и субъекта в Мире к нижележащему уровню социума и далее — к уровню личности и какие качества субъекта, существенные для философского определения человека, им присущи. Становление Природы Человеком (К. Маркс) продолжается в развитии и Становлении Человека Субъектом в соотношении Человека и Мира (С. Л. Рубинштейн). Переход от философского уровня определения субъекта к субъектам конкретных уровней предполагает обсуждение соотношения понятий «социальное» и «общественное» и проблемы — достигают ли конкретно-исторические социумы качества субъекта. Отрицательно отвечая на этот вопрос, автор предлагает методологический принцип для перехода от философского уровня человека как субъекта к определению личности и индивидуальности как субъекта жизни — через включенность личности в социум (с его неразрешимыми противоречиями) и одновременно через ее самореализацию в своем жизненном пути и в связи с этим через возможности/ограничения ее становления субъектом и индивидуальностью.

Ключевые слова: человек, мир, субъект, личность, индивидуальность, общество, социум, индивидуальное и общественное.

В историко-философских концепциях, среди которых философская антропология, экзистенциализм как непосредственно теории человека, и гегелевская концепция субъекта сознания, абсолютного духа, и Марксова политэкономия, положившая в основу объяснения развития общества противоречия и отчуждение человека (от деятельности, ее продуктов и самого себя), проблемное пространство субъекта оказалось размытым, обозначенным различными понятиями, разорванным различными подходами. Марксова теория, которая в ее первоначальном виде («Философско-экономические рукописи») содержала пусть еще незрелую постановку проблемы человека, но, превратившись в марксизм, вместе с критикой идеализма «выплеснула» из философии и самого человека, заменив объяснение его сущности и бытия теорией материального производства, общества отчуждения и утопией коммунизма.

В советской официальной философии остались: гносеология, предполагающая противостояние, разрыв субъекта и объекта, не объясненных по своему статусу с позиций материалистического подхода, обособленной — концепция материи, пополненная естественно-научным знанием природы в ущерб знанию о бытии человека (как возникшая якобы до него), и программа нового общества с идеей судьбы последнего как революции и классовой борьбы и коммунизма.

Трудно понять, как в условиях тоталитарной практики социализма, извратившей все позитивное, содержавшееся в Марксовой теории, выбросившей все, пусть превращенные, оторванные друг от друга историко-философские идеи, подвергшей запрету альтернативные или параллельно с марксизмом развивавшиеся теории человека и его жизни — философскую антропологию, философию жизни, экзистенциализм и др., могло увидеть свет понятие человека как субъекта.

Возрождение понятия субъекта как ключевого для объяснения нового этапа и способа бытия Вселенной произошло как теоретико-философская *реконструкция* всего философского знания, причиной которой был взрыв философского сознания, обусловленный катастрофой планеты. И хотя в цепи исторических событий, как и научных открытий, в их осуществлении обычно участвует множество людей, в итоге решающей оказалась роль той личности, которая, по масштабу мышления, силе осознания и переживания превосходя других, смогла осуществить максимально конструктивную ин-

¹ Дается в авторской редакции.

теграцию философских проблем и максимально — при данных условиях — проникнуть в сущностный способ их решения. Этой личностью в середине XX столетия стал С. Л. Рубинштейн¹.

Категория субъекта в своем наиболее развитом виде в истории философии связана с гегелевской концепцией. Критика в ранних рукописях Марксом последней с новых позиций восстановила понятие человека («Становление Природы Человеком»). Однако поздняя целостная Марксова концепция, раскрывавшая закономерности общественно-исторического развития общества и социально-экономический характер его бытия, оставила в стороне понятия человека и субъекта, сохранив лишь проблемы производительных сил *индивидов* и их общественно-экономических отношений.

Проблема человека предстала лишь на конкретном уровне и в своем негативном качестве как проблема *отчуждения от индивидов* и результатов их труда, и самого их труда (в силу его принудительного характера), и тем самым — фактически — отчуждения от них их *человеческой сущности*. Перспектива преодоления отчуждения связывалась с перспективой революции как уничтожения данного *социума*. Характерно, что понятие человека в ранних философских рукописях предстало позднее на уровне *конкретных индивидов конкретного социума* без обоснования перехода от проблемы человека как философской к проблеме индивидов как социально-экономической категории. В 20-х гг. категория субъекта была раскрыта С. Л. Рубинштейном в новом диалектико-онтологическом качестве на основе критического преобразования всего историко-философского наследия и его связи с достижениями современных наук (социология, математика, физика и др.). Это восстановление осуществляется им и на философско-методологическом уровне («Становление Человека Субъектом»), и, позднее, на конкретно-научном уровне — в психологии, т. е. применительно к индивидуальному уровню бытия человека — личности.

Очевидно, что *первая актуализация* категории субъекта в контакте онтологической («материалистической» в противоположность гегелевской) парадигмы бытия в целом С. Л. Рубинштейном в его ранних рукописях 10-х — 20-го гг. и в уже более зрелом виде в 20-х гг. логически не вытекала из политэкономии и социально-философской концепции К. Маркса.

Концепция производительных сил и производственных отношений капитализма, раскрывающая лишение человека не только субъектности, но и самой человечности, не могла стать основой абсолютно альтернативной ей по своей сути философской антропологии С. Л. Рубинштейна. Он создал качественно новую философию бытия и его высшего уровня — *бытия человека*, первоначально определив его через *совокупность отношений к действительности*, — познавательное, деятельное (творчески), этическое и эстетическое, а в конце жизни — через центральное место в Мире.

¹ В канун своего семидесятилетия — всегда обостренного осознания ответственности ученого перед лицом смерти — он формулирует совершенно новую по ее основанию, фундаменту *онтологию* (которая существовала лишь в форме частных локальных онтологических и материалистических концепций) как *парадигму*, интегрировавшую множество реальностей человеческого бытия — в обозначенных выше (дотолем разорванных) качествах и понятиях, представив их как *целостную* систему, имеющую своим *эпицентром человека*. Она складывалась на протяжении всей его жизни, по разным, казалось бы, иногда не связанным направлениям, но, разрабатываясь как философско-методологическая, неуклонно проверялась по двум координатам — подтверждалась новыми данными, получаемыми в психологической науке, и собственным осмыслением происходящего в социальной действительности, которую он воспринимал не как «картину мира», а как поле действия, в которой он участвовал как инициатор и ответственный субъект.

Взаимодействие с Миром осуществляется двумя способами — активным и стоически сопротивляющимся, созидательно-деятельным и страдательным, свободным и принудительным. Эти противоречия составляют онтологическую проблему субъекта.

И деятельное, и созерцательное, и познавательное отношения человека имеют своим объектом не только предметную, но и человеческую действительность — Мир, с которым они неразрывно соединены и который одновременно *противостоит* человеку.

Включенность Человека в Мир означает его *сопричастность* тем *общественным* отношениям, которые он (в качестве конкретной общности, группы, личности) *преднаходит* на данном этапе своего бытия и развития и которые детерминируют последние. Это его обусловленность по линии общественно-исторического развития, по *линии преемственности* человеческих поколений, цивилизаций, культур. Поэтому-то его потребности, побуждающие его деятельность с *противостоящим* ему Миром, уже *общественны* и соответствуют данному историческому этапу развития человечества. Но когда в этой преемственности возникают «разрывы», противоречия разного рода и уровня (а по законам диалектики они возникают постоянно как «перерыв постепенности»), человек уже в качестве *субъекта противопологает* себе Мир как *объект* преобразования, познания и созерцания. А познание, деятельность и созерцание разрешают противоречия путем *усовершенствования* этого Мира, *открытия* в нем нового и внесения в него того, что создается творчеством Субъекта. Субъект не только *вносит* в «Мир» нечто новое своей деятельностью, творчеством, он *находит* в нем новое.

Однако при этом необходимо подчеркнуть, что сущность субъект-объектного *противоположения* связана с *центральной* позицией Человека в Мире и с появляющейся в его развитии и необходимой для его осуществления способностью *стать субъектом*. Достижение Человеком качества Субъекта, реализующего тенденцию его развития по «вертикали», не может осуществляться вне «горизонталей» бытия Человека и Природы, которая имеет непрерывно-поступательный характер. Поскольку субъект — это (согласно Рубинштейну) и *само-причинение*, и *источник причинения* всего сущего в бытии, его развитие не носит характера непрерывности, преемственности (и в этом смысле не является ни линейной, ни иерархической последовательностью).

Раскрывая методологические следствия рубинштейновской философской антропологии, имеющей онтологическую основу, мы ставим ряд методолого-научных проблем, которые могут вскрыть *стратегию перехода от философского понятия субъекта* к уровням конкретных субъектов и их критериям, из которой психологию особо интересует переход к *психологическому уровню — личности и ее качеству субъекта жизненного пути*.

Не *линейность* переходов от философского определения субъекта к субъектам других форм бытия человека означает, что не все философские определения (критерии) субъекта справедливы для всех других уровней конкретных субъектов. Так, несомненно, что универсальными критериями являются активность и интегральность (А. В. Брушлинский). Но является ли таковой *социальность*, требует специального рассмотрения и обоснования, на что обращает внимание Э. В. Сайко. Для этого необходимо, как отмечалось выше, *дифференцировать* понятия «общественный» и «социальный» и уточнить содержание и предмет их определения. На наш взгляд, понятие «общественный» является категорией более *общего абстрактного уровня*, обозначая *общественную сущность человека*. Понятие «общественный» носит *позитивный* характер, обозначая *объединенность* людей в некое целое, их принадлежность ему, их ро-

довую сущность, в терминах российской философии — коммюнитарность. А. В. Брушлинский, Э. В. Сайко употребляют для обозначения этого качества человека понятие «социальный», «социальность». Мы же полагаем, что в самом лингвистическом звучании понятия «общественный» содержится то, что человечество исторически *развивается* в форме *общностей*, бытие человека реализуется в *общественных* формах, деятельность осуществляется *общественным* способом, но на *конкретно-историческом этапе* общественная сущность (по существу и понятийно) осуществляется конкретными *социумами*. Не столь принципиально, определять ли эти понятия противоположным образом. На наш взгляд, существенно то, что человечество, на каждой исторической стадии своего развития стремящееся к интеграции и способное преобразовывать природу только общностью — обществом, объединяющим индивидов, еще *не достигло оптимального способа их интеграции каждым данным конкретно-историческим социумом*.

Удалось ли создать такие социально-экономические отношения индивидов, разных социальных слоев друг с другом и с государством, чтобы любой конкретно-исторический социум мог бы стать и именоваться субъектом?¹

Существующие определения противоречий: гуманизма и отчуждения, быть или иметь (Э. Фромм), деятельности как творчества или как принудительного труда — доказывают, что общепризнанное определение общественной сущности человека отнюдь не означает, что любой социум является субъектом. Придерживаясь крайности, мы бы констатировали недостижимость на данном этапе развития человечества каким бы то ни было социумом статуса субъекта. Можно гипотетически допустить определение социума как субъекта, но тогда основными критериями его будут *только деятельностное* отношение к природе (производство) и *познавательное* отношение к действительности, что, безусловно, требует противоположения субъекта и объекта, однако тогда отношения людей друг к другу (и социальные и этические) будут «вынесены за скобки», поскольку способы их организации, интеграции требуют решения противоречий, непреодолимо проявляющихся в войнах, революциях, реформах и т. д., т. е. постоянно возникая и решаясь, они *не разрешаются*. Что касается критерия активности субъекта, то применительно к социуму он тоже относителен, поскольку существуют периоды *стагнации* (застоя) социума, не говоря о деградации (в частности, например, в сфере культуры).

При определении субъекта как *категории* чрезвычайно существенно, чтобы учитывался критерий разрешения им противоречий и квалификация их как позитивных или негативных, т. е. уточнение, какого рода противоречия и как они им разрешаются, поскольку через позитивные противоречия происходит *развитие*. Если постараться определить социум как субъекта и включить в критерии последнего его способность к разрешению противоречий, то тогда становится очевидно, что противоречия современных социумов (государств) пока далеки от их конструктивного решения, хотя и осуществля-

¹ Именно в силу детальности и глубины социально-культурного исследования, предпринятого А. С. Ахиезером, трудно согласиться с его употреблением понятия субъекта применительно к социуму любого типа. Если его интеграция неизбежно ведет к «расколу» субъекта, нужно ли тогда априори называть его субъектом, если он затем перестает им быть? Представляется, что если проблемой субъекта является решение противоречий, то это отнюдь не означает, что само его определение логически должно содержать противоречие. Если он интегрирован, то не может быть «расколот», если активен — не может быть пассивным. В соответствии с этим критическим соображением мы самокритично считаем неправомерным употребление понятия «стратегия» с эпитетом «пассивная» (см. «Стратегия жизни»). Стратегия как высшая конструктивная способность личности как субъекта по определению не может быть пассивной — тогда это уже не стратегия!

ются постоянные усилия в направлении поисков их решений. Если речь идет о *внутренних* противоречиях, то субъекта характеризует тенденция их постоянного решения, но такого, чтобы при этом не нарушались его интегральность, целостность, т. е. речь идет о сохранении его «статус-кво», а «судьбы» социумов свидетельствуют об обратном.

Эти соображения служат методологическим основанием для выявления характера перехода *от общепhilософского определения субъекта к субъектам более конкретных уровней бытия человека*. Основываясь на них, мы повторяем, что переход от философского уровня к уровню личности не иерархичен и не непрерывен, и предполагаем, что он *не опосредуется* определением социума как субъекта (либо потому, что не все общепhilософские критерии обязательны для такого определения социума, т. е. *логически*, либо потому, что социум не достигает качества субъекта в организации социально-экономических отношений людей и человечности их человеческих отношений, т. е. *онтологически*).

Если учитывать названное выше ограничение возможности применить понятие субъекта к социуму, то встает проблема *перехода от философского определения человека к уровню его индивидуального бытия — к психологическому*. Однако то, что переход от философской категории субъекта к лично-психологическому понятию не опосредован социумом в качестве субъекта, не означает, что он вообще не опосредован социумом. Во-первых, личность уже обладает общественной сущностью, во-вторых, индивид включен в социум и одновременно, согласно Марксу, *противостоит* ему («индивиды приносятся в жертву» (К. Маркс)). *Включенность* индивида в социум — это необходимость его бытия, необходимость воспроизводства жизнедеятельности (удовлетворения потребностей) и необходимость достижения определенного уровня развития для этого воспроизводства. Противостояние же социуму имеет место в форме отчуждения индивида, но в качестве личности, обладающей общественной сущностью Человека, которую она стремится реализовать в *своей жизни в социуме*. То, что данный социум не достигает в своем развитии качества субъекта, значительно ограничивает те возможности, которые оно могло бы дать составляющим его индивидам как реальным личностям, поскольку каждая из них оказывается в социуме неразрешимо противоречивых отношений, а это куда более «сильная» детерминанта их жизни, чем это утверждает абстрактно-созерцательная формула — «детерминированность личности обществом».

Далее, к своему благу (или несчастью), жизнь личности и *она сама* находятся в *двух пространствах одновременно* — в пространстве отношений своего социума и своей жизни. *А личная жизнь* имеет множество *социальных* особенностей — принадлежность веку, эпохе с ее культурой, стране с уровнем ее цивилизации, мирное или военное положение страны, принадлежность к своему этносу, социальному слою, поколению, а также наследственные корни — социальные, культурные, семейные и т. д. Эти корни «прорастают» в сознании личности, независимо от ее воли и желания, и одновременно придают самой ее жизни черты *консерватизма*, традиционализма и рождают стремление к их преодолению — стремление к *современности*. Это своеобразная психосоциальная или культурно-историческая основа жизни личности, которая оставляет ей пространство, свободу авторства своей жизни в большей или меньшей степени.

При этом, выражая сомнение в применимости понятия субъекта к конкретно-историческому *социуму*, мы рассматриваем личность как *включенную* в этот социум с его постоянно *решаемыми, но неразрешимыми противоречиями*, что составляет для личности совершенно *специфическую действительность*. Эта действительность, несомненно, создавая условия для развития лично-

сти — образование, культуру, тем не менее в характере своих *требований*, к ней обращенных, несет печать неразрешимости (или негативности), противоречий, присущих данному социуму. Это и составляет сложность в определении так называемой *социальной детерминации личности*, которая заключается, в частности, в том, что она *одновременно и непосредственно включена* в социум (как всякий индивид — в типичные социальные отношения) — *личность* (public) и в отношения собственного жизненного пути, в котором она выступает как личность (private).

Проблема «вписанности» личности и ее жизненного пути в социум, кроме того, еще требует социологического и социально-психологического рассмотрения слоев, «страт», социальных «границ», социальных «ниш», с их позитивным или негативным характером, влияющим на «судьбу» личности. Можно отметить лишь главное. Жизненный путь разных личностей *оказывается более или менее* связанным с социумом, в силу чего в последнем случае его действительно можно назвать *личной* жизнью, а личность — private, т. е. располагающей большей самостоятельностью, если не свободой¹. Однако если существует «*страдательный залог*» при обозначении связи, большей/меньшей зависимости жизни личности от социума, от чего, в свою очередь, зависит характер — разные степени жесткости детерминации и жизни, и самой личности последним, то существует и «*повелительный залог*» («наклонение») в определении этой зависимости. Если личность *сама* стремится занять значимую (в каком-либо отношении) позицию — «роль» в социуме, ее личная жизнь оказывается более непосредственно связанной с жизнью социума или фактически растворяется в последней. Сложность этого «залога» в том, что стремление к активной позиции в социуме имеет, как известно, две разные, не сказать противоположные, цели (для других, для дела, для общества или для себя). Оказывается, что «*публичная*» личность может *использовать* все возможности социума в сугубо индивидуальных, узколичных интересах.

До сих пор мы определяли личность как субъекта жизненного пути, имея в виду в основном то, что методологически она не может рассматриваться как некая субстанция, как она определяется теориями личностных «черт», но *может быть* определена в своем специфическом времени и пространстве жизни, т. е. в *движении и развитии*. И наконец, мы имели в виду, что те исходные качества, которыми она обладает «на старте» (по терминологии Б. Г. Ананьева) (с какого бы возрастного этапа ни начинать его исчисление), воплощаясь при самореализации в формах жизни, преобразуются в ее *новые качества*. Но при этом подчеркивалось, что и эти новые качества не всегда дают личности возможность разрешения жизненных противоречий, т. е. *реально* она достигает только *определенной меры субъектности*: постоянно в своем жизненном *движении* решая противоречия, окончательно их не разрешает (или сталкивается с новыми).

Мы представляем гипотезу о переходе от философского уровня определения субъекта к *уровню личности*, опираясь на ранее разработанный нами *принцип субъекта*, который методологически опосредует этот переход (К. А. Абульханова).

Однако на данном этапе необходимо вернуться и к общефилософским критериям субъекта и, главное, с этих позиций не только охватить собственную жизнь личности как основную абстракцию, но и учесть и выявить способ ее участия в пространстве социума — ее Мира, в который так или иначе (частично или полностью, гармонично или противоречиво) вписывается ее жизненный путь.

¹ Для понимания этого различия можно сослаться на данные кросскультурного исследования, в котором, отвечая на вопрос о смысле жизни, российская личность говорит, что живет, чтобы работать, а француз — работает, чтобы жить.

Мы также полагаем, что в качестве *основного* критерия субъекта на философском уровне выявляется его *интегральность*. Этот же критерий является основным и в *принципе субъекта*. Личность включена в социум и как общественный индивид, и по линии *преемственности* с предыдущими поколениями, и по линии *взаимодействия* со своими современниками (старшим и младшим поколениями и сверстниками), и в формах разных видов *общения* и *совместной деятельности* (А. Л. Журавлев). Включаясь в разные социальные системы и формы интеракции, она вырабатывает к ним свои отношения и затем *интегрирует* их в гармоничное или противоречивое *целое* *типичным* или *нетипичным* для своей эпохи и социального слоя, профессии и т. д. способом, что составляет основу отнесения ее к тому или иному типу (К. А. Абульханова). Таким образом, *интегративность*, включенная в *принцип* субъекта и соответствующая его философскому определению, также является критерием личности как субъекта.

Однако *архитектоника* этого целого (при учете включенности личности в социум) *индивидуальна*: одни отношения имеют в нем *бóльший* «удельный вес», значимость для личности, другие — *меньший*, одни выражены, другие неопределенны, одни устойчивы, другие требуют для своего поддержания постоянных усилий личности, изменяются, сходя на нет, одни позитивны, другие негативны, одни пассивны, другие активны (В. Н. Мясищев). Одновременно они в той или иной степени соответствуют характеру типичных для данной группы, организации и т. д. межличностных отношений по *разным основаниям* делового, профессионального, личного общения. В них, кроме *взаимо-отношения* и *взаимо-действия* (в деятельности, в партнерстве и т. д.), присутствуют по крайней мере четыре, если не более (см. Г. М. Андреева, Е. В. Гордеенко и др.) *собственно личностных отношений* друг к другу (мое к другому, другого ко мне, мое представление об отношении ко мне другого и его представление о моем к нему отношении)¹. В силу этого при *интеграции* этих отношений личность проявляет *свою субъектность* в способе *их упорядочивания* при соединении в целое, включая решение противоречий, возникающих между некоторыми из них².

Способом их упорядочивания с целью если не гармонизации, то сохранения своей цельности и устойчивости является *активность* или деятельность по саморегуляции или самоорганизации. Активность — творчество и свойственная ему свобода инициативы — включает притязания, мотивацию достижения, саморегуляцию как способность к самостоятельной организации, самоконтроль, собранность, уверенность. Последняя связана с организацией жизни в целом, отношений с людьми, своего и общего дела и с осознанием достигнутого результата и его последствий (удовлетворенность — неудовлетворенность). Таким образом, выделенные нами ранее в принципе субъекта кри-

¹ Как отмечает наш партнер по совместному исследованию «Восточно-европейское и западно-европейское сознание» (рук. S. Moskovici, К. А. Абульханова), российский и западно-европейский менталитеты радикально различаются тем, что, например, во Франции может успешно участвовать в деловом сотрудничестве — интеракции — личность, негативно или критически относящаяся к партнеру, тогда как в России личное отношение и деловой контакт преимущественно должны совпадать (Е. Drozda-Senkovska).

² Эта «сверхзадача» особенно очевидна при создании и функционировании семьи: противоречия могут возникать между старшим и средним, старшим и младшим, средним и младшим поколениями (учитывая еще последовательность рождения детей по Адлеру), внутри младшего поколения. Классические: «кому выносить мусор» и «кто в семье лидер» — незначительная обязанность и ранжирование ролевых позиций — становятся едва ли не камнем преткновения в жизни семьи и ее членов, невзирая на отношения любви, уважения, заботы и т. д. Все интеракции внутри семьи «завязаны» на интеракции вне-семейные, что порождает противоречие глобального разделения труда: кому «сидеть с детьми», кому «кормить семью», «девать карьеру» и т. д.

терии определяют качество личности как субъекта (или его меру) не в их сумме, а по тем *функциям*, которые осуществляет онтологическая способность личности (и соответствующие ей критерии) по отношению к другим, обеспечивая умножение личностных «ресурсов»; ее зрелость, целостность и т. д. и расширяют возможности достичь субъектности и по другим критериям.

В свою очередь, связь целостности и активности личности обеспечивает такое ее *сознание*, которое охватывает тот или иной масштаб социальной и личной жизни и ее «состояние», обстоятельства, которые она способна присваивать и превращать их в *ценности*, представления, которые, в свою очередь, укрепляют ее возможности проявления активности или блокируют, сужая самодеятельное пространство. Оно дает возможность *обобщенного* осмысления жизни и себя в ней или дробит ее на отдельные дела, встречи, союзы, события и т. д.¹ Осознание личностью смысла жизни придает ее деяниям силу, направленность, стремление к их завершенности (Б. В. Зейгарник) и тем самым *ответственность* за их осуществление как волеизъявление субъекта. А последняя, в свою очередь, концентрирует личность на главном в своей жизни — концентрирует ее усилия и умножает возможность *разрешения противоречий* (один из важнейших критериев субъекта). *Разрешение противоречий* — это и практическая, и теоретическая, осуществляемая сознанием и поступками способность субъекта.

Если не бояться впасть в идеализм, можно сказать, что *жизнь* — это и есть *работа сознания*, его способность дифференцировать решаемые и неразрешимые противоречия, существенные и несущественные, предвидеть последствия своих решений (или хотя бы осознавать их в форме проблем) и *активность личности*, выражающаяся в *способе* организации жизненного движения, ее способность определять *направление* событий, обстоятельств, отношений с людьми и деятельности, поступков и т. д.

Таким образом, способность решать противоречия, активность и интегративность являются (при условии их реализации) *критериями личности* как субъекта жизни, совпадая с критериями, выделенными в методологическом принципе субъекта, и с общефилософскими критериями и критериями принципа субъекта.

Сам жизненный путь личности (при разной степени его зависимости от социума) образует онтологически специфическое время-пространство, которое полидетерминировано совокупностью разных условий, позитивных/негативных, которые мы предпочитаем обозначать не как «события» (согласно известному событийному подходу), а более обобщенно как интеграл *обстоятельств* ее жизни. Обстоятельства имеют и статичный, и изменяющийся, не зависящий и зависящий от личности характер, хотя и они могут изменяться как сами по себе, так и усилиями личности. Жизненный путь мы предполагаем обозначать как *жизненное движение*, которое имеет свою онтогенетически закономерную *непрерывность* (в частности, возрастную) и которое одновременно прерывно, поскольку детерминировано, изменяя свое направление, личностью (С. Л. Рубинштейн). Этому объективному процессу движения жизни личность либо *придает* целенаправленный, осмысленный характер, сама превращаясь в его *движущую силу*, либо подчиняется его стихийности. Характер «движущей силы» своей жизни присущ личности как ее субъекту и является результатом и выражением ее активности, воплощением ее усилий во взаимодействии с обстоятельствами жизни, ее стремления к их упорядоченности, гармоничности, а также существенности ее *достижений*. Последние со-

¹ Предпринятый в лаборатории цикл исследований организации времени личной жизни обнаружил активно-продолженный, пассивно-продолженный, активно-ситуативный и пассивно-ситуативный типы личности (В. И. Ковалев и др.).

ставляют некоторую *личностную детерминанту*, направленность, *сохраняющую существенное* в осуществленном. В ней аккумулировано и то, что создано личностью, чего она достигла, и то, что она утратила, не осуществив. Можно говорить о том, что достижения, *«движущая сила»* личности как *«причинение»* (С. Л. Рубинштейн) ее жизненного движения, ее *«наступление»* (Пастернак), поступание (Роменец), наступление — осуществление жизни и себя в ней и есть зависимость жизни от личности и присущая ей *субъектность*.

Развитие личности происходит не только соответственно возрастным закономерностям — оно оказывается или *не зависящим* от нее *изменением под влиянием обстоятельств* жизни, которые она только использует, «потребляет», или результатом ее некоторой *изначально ей присущей* или *складывающейся* в ходе жизни *целостности* (обычно говорят о ее цельности). В. Дильтей назвал это качество, не упоминая личности, *целостностью душевной жизни*. Выражаясь терминами гештальтпсихологии, ей присущ *хороший гештальт*, при котором все ее отдельно функционирующие и называемые психологами «свойства», состояния и процессы внутренне монолитно связаны, скоординированы в *своем функционировании*, «*прегнантны*». Эта организация и образует качество цельности личности как субъекта, отличающее ее от других людей, мысли и воля к действию, сознание и переживания и т. д. которых расходятся, разобщены друг с другом, если не находятся в противоречии. Таким образом, личность обладает *изначальной* цельностью и вторичной — складывающейся в ходе жизни или в результате ее усилий как субъекта.

Подводя итог, можно сказать, что не все философские критерии субъекта и тем более не в том соотношении, в котором они выделяются на философском уровне, однозначно являются критериями личности как субъекта. Переход от философского определения человека и Субъекта к личности опосредован характеристиками того социума, современницей которого является личность, но социума, не являющегося субъектом. Поэтому критерии личности как субъекта выявляются в особом теоретико-методологическом пространстве полидетерминант *общественной* сущности, присущей ей как Человеку, и прежде всего сложной взаимосвязью детерминант социального и индивидуального, возникающей либо в «пространстве» социума, в который она включена, либо в пространстве ее жизненного пути, так же сложно детерминируемого и личностью, и социумом, а также самой личностью как детерминантой («движущей силой») своей жизни. От характера ансамбля, композиции этих детерминант ее вышеупомянутая *целостность* приобретает *ценностный характер*, а ее жизнь — свой смысл. Наличие *смысла жизни*, последовательно реализуемого личностью, является также ее *критерием как субъекта* жизненного пути, хотя принято считать, что смысл жизни присущ каждой личности. Наиболее существенной характеристикой личности как субъекта является общеизвестное положение о достижении ею *человечности* (не в антропологическом, а в гуманистическом смысле). Достижение человечности реализуется и в социальных поступках, и в отношениях к «ближним» и «дальним» (С. Л. Рубинштейн), и в отношении к другому как субъекту, и в его поддержке, помощи ему в его становлении как личности и субъекта.

Онтологические проявления личности в жизни — это не только ее внутренние или жизненные *достижения* (или решение противоречий) или поступки, свершения, деяния (С. Л. Рубинштейн). Кроме сознательного активного уровня, жизнь имеет то, что мы бы назвали ее основой, — ее живую экзистенциальную *почву* — подспудный уровень ее «организации». С. Л. Рубинштейн назвал его *переживаниями* (которые, конечно, и выплескиваются «наружу», ярко и сильно проявляя себя), В. Дильтей — «душевной жизнью», В. Д. Шадриков —

внутренним миром, удивительно тонко сравнив его с «убежищем». Чувственная «почва» жизни потому может быть названа так, что в ней «прорастают зерна», попадающие в сознание, и одновременно в ней выращиваются «зерна» родовые, наследственные («с молоком матери» или с причастностью к предкам впитанные), в ней прорастают чувства доброты, любви, нежности, сострадания или зависти, злобы, ревности. Эти чувства составляют *экзистенциальный «слой»*, пласт и не зависят от воли и сознания личности: одним «достается» одно, другим — другое. Но позитивные чувства мы бы назвали «камертоном» ее субъектности. Они — непосредственные подтверждения истинности, подлинности ее сознательных деяний, отношений или побудители, «судьи» внутреннего диссонанса — совести личности. Они сугубо *индивидуальны* (но некоторые являются непреодолимым препятствием ее становления субъектом). В отличие от сознания, мышления, воли, их нельзя ни вызвать к жизни, ни истребить, ни исправить рефлексией (разве что «обуздать»). Но будучи онтологически совсем другой «породы», они *питают* личность, ее сознание, волю, придают им силу или ослабляют, обедняют, уничтожают. Питая силу личности, они становятся предпосылками субъектности личности в жизни, а будучи действенными, актуализируют ее сознание, его «работу» ценностного, духовного характера.

Душевные качества опосредованно и непосредственно играют *действенную* роль. Душевность позволяет личности осознавать, постигать, переживать *самоценность* жизни, и это тоже (даже при отсутствии высоких жизненных достижений) характеризует *субъектность* личности. Она проявляется в великодушии, в терпимости к отсутствию жизненных благ и к слабостям других людей, в личной скромности и скромности потребностей (что кажется вопиющим противоречием с особенностями современного этапа российской жизни).

И через это «глубинное» выражается ценностная сущность личности, ее *субъектность*, поскольку последняя заключается не только в нравственности, человечности, личности как лично присущих ей качествах, но и в том, что ее жизнь как личности, обладающей качествами, *противоречащими* ценностям социума в этом социуме, превращает ее жизнь в борьбу против последних. И это представляется своего рода невидимым, часто безуспешным и никем не оцененным подвигом.

Таким образом, критерии *субъектности* личности отнюдь *не связаны* с оптимальностью как *высшим уровнем развития самой личности и ее жизненными достижениями*, не говоря о социальных. Они характеризуют *способы жизни* людей, которые *создаются* личностью в условиях, на которые она *влияет*, которые она *преодолевает*, сохраняя и *умножая* свои ценности — нравственные, духовные, душевные, жизненные.

Таким образом, основные критерии, включенные в принцип субъекта, совпадают с его философским определением. Однако ряд других появляется только тогда, когда с позиций этого принципа осуществляется анализ (исследование) реальности жизни личности как общественной по своей сущности и социальной по способу связи, включения в социум и занимаемого в нем «места». Здесь происходит умножение качеств субъекта, выработка новых качеств «субъектности», требующих новых критериев. Иными словами, критерии качеств личности как субъекта выявляются не только на основе принципа субъекта, отправляющегося от философского уровня его определений, но и на основе психосоциального, системного, комплексного, социокультурного и других подходов. Эти критерии могут быть найдены и на непосредственно личностном уровне бытия человека, поскольку, став субъектом, он становится источником «самопричинения» (С. Л. Рубинштейн) и «самопорождения», «самосознания» и новых качеств и новых критериев.

The article aims to make a transition of philosophical determination of human being and subject in the World to society, and personality that is determined by philosophical description of human being. Becoming a Human being (K. Marx) is continued during the Becoming a Human Being as Subject in relationship to Human Being and the World. The transition of philosophical determination of subject leads to discussion of social and public relationship and the issue of whether the particular historical societies reach the subject's qualities. Having been answering in the negative, the author has suggested the methodological principle for making a transition of philosophical determination of subject as a Human Being to defining the personality and individuality as a subject of life by personality involvement in society (with its unsolvable contradictions) and at the same time by personality's self-fulfilment in its course of life, and consequently by facilities/limitations of personality's becoming a subject and an individuality.

Keywords: human being, world, subject, personality, individuality, society, socium, private and public.

Литература

1. *Абульханова, К. А. О субъекте психической деятельности / К. А. Абульханова. — М. : Наука, 1973.*
Abul'hanova, K. A. O sub"ekte psihicheskoj dejatel'nosti / K. A. Abul'hanova. — M. : Nauka, 1973.
2. *Абульханова, К. А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова // Сергей Леонидович Рубинштейн : Очерки. Воспоминания. Материалы. — М., 1989. — С. 10—60.*
Abul'hanova, K. A. Princip sub"ekta v filosofsko-psihologicheskoj koncepcii S. L. Rubinshtejna / K. A. Abul'hanova // Sergej Leonidovich Rubinshtejn : Ocherki. Vospominanija. Materialy. — M., 1989. — S. 10—60.
3. *Абульханова, К. А. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский. — М. : Наука, 1989.*
Abul'hanova, K. A. Filosofsko-psihologicheskaja koncepcija S. L. Rubinshtejna / K. A. Abul'hanova, A. V. Brushlinskij. — M. : Nauka, 1989.
4. *Абульханова, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова. — М. : Наука, 1991.*
Abul'hanova, K. A. Strategija zhizni / K. A. Abul'hanova. — M. : Nauka, 1991.
5. *Абульханова, К. А. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова, А. Н. Славская // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век : в 2 т. — Т. 2 : 1960—1980 гг. — М., 1998. — С. 328—351.*
Abul'hanova, K. A. Problemy metodologii nauki i filosofskoj antropologii v kontekste paradigmy S. L. Rubinshtejna / K. A. Abul'hanova, A. N. Slavskaja // Filosofija ne konchaetsja... Iz istorii otechestvennoj filosofii. XX vek : v 2 t. — T. 2 : 1960—1980 gg. — M., 1998. — S. 328—351.
6. *Абульханова, К. А. Проблема определения субъекта в психологии / К. А. Абульханова // Субъект действия, взаимодействия, познания (психологический и философский анализ) / под ред. Э. В. Сайко. — М., 2001.*
Abul'hanova, K. A. Problema opredelenija sub"ekta v psihologii / K. A. Abul'hanova // Sub"ekt dejstvija, vzaimodejstvija, poznanija (psihologicheskij i filosofskij analiz) / pod red. Je. V. Sajko. — M., 2001.
7. *Абульханова, К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2005. — Т. 2, № 4. — С. 3—21.*
Abul'hanova, K. A. Princip sub"ekta v otechestvennoj psihologii / K. A. Abul'hanova // Psihologija : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2005. — T. 2, № 4. — S. 3—21.
8. *Абульханова, К. А. Идеальность или реальность субъекта / К. А. Абульханова // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В. И. Моросановой. — М. ; Ставрополь, 2007. — С. 3—45.*
Abul'hanova, K. A. Ideal'nost' ili real'nost' sub"ekta / K. A. Abul'hanova // Sub"ekt i lichnost' v psihologii samoreguljaccii / pod red. V. I. Morosanovoj. — M. ; Stavropol', 2007. — S. 3—45.
9. *Абульханова, К. А. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова, А. Н. Славская // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. — М., 2010. — С. 23—76.*
Abul'hanova, K. A. Sub"ekt v filosofskoj antropologii i ontologicheskoj koncepcii S. L. Rubinshtejna / K. A. Abul'hanova, A. N. Slavskaja // Sergej Leonidovich Rubinshtejn / pod red. K. A. Abul'hanovoj. — M., 2010. — S. 23—76.
10. *Абульханова, К. А. Онтологический подход С. Л. Рубинштейна в методологии изучения личности и субъекта / К. А. Абульханова // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / отв. ред. К. А. Абульханова. — М., 2011. — С. 62—80.*
Abul'hanova, K. A. Ontologicheskij podhod S. L. Rubinshtejna v metodologii izuchenija lichnosti i sub"ekta / K. A. Abul'hanova // Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna / otv. red. K. A. Abul'hanova. — M., 2011. — S. 62—80.

11. Абульханова, К. А. Этическое наследие С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / отв. ред. К. А. Абульханова. — М., 2011. — С. 202—215.
- Abul'hanova, K. A. Etyicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna* / K. A. Abul'hanova // *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna* / отв. red. K. A. Abul'hanova. — М., 2011. — С. 202—215.
12. Абульханова-Славская, К. А. Состояние современной психологии: субъектная парадигма / К. А. Абульханова-Славская // *Предмет и метод психологии*. — М., 2005. — С. 428—450.
- Abul'hanova-Slavskaja, K. A. Sostojanie sovremennoj psihologii: sub"ektnaja paradigma* / K. A. Abul'hanova-Slavskaja // *Predmet i metod psihologii*. — М., 2005. — С. 428—450.
13. Агапов, В. С. Фундаментальные идеи С. Л. Рубинштейна в современных исследованиях самосознания и «Я-концепция» субъекта / В. С. Агапов // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / отв. ред. К. А. Абульханова. — М., 2011. — С. 234—246.
- Agapov, V. S. Fundamental'nye idei S. L. Rubinshtejna v sovremennyh issledovanijah samosoznanija i «Ja-koncepcija» sub"ekta* / V. S. Agapov // *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna* / отв. red. K. A. Abul'hanova. — М., 2011. — С. 234—246.
14. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. — М., 1977.
- Anan'ev, B. G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija* / B. G. Anan'ev. — М., 1977.
15. Анцыферова, Л. И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода / Л. И. Анцыферова // *Проблема субъекта в психологической науке*. — М., 2000. — С. 27—42.
- Ancyferova, L. I. Psihologicheskoe sodержanie fenomena «sub"ekt» i granicy sub"ektnodejatel'nostnogo podhoda* / L. I. Ancyferova // *Problema sub"ekta v psihologicheskoy nauke*. — М., 2000. — С. 27—42.
16. Ахиезер, А. С. Субъекты российской истории — предмет социокультурного исследования / А. С. Ахиезер // *Человек как субъект культуры* / под ред. Э. В. Сайко. — М., 2002. — С. 319—325.
- Ahiezher, A. S. Sub"ekty rossijskoj istorii — predmet sociokul'turnogo issledovanija* / A. S. Ahiezher // *Chelovek kak sub"ekt kul'tury* / pod red. Je. V. Sajko. — М., 2002. — С. 319—325.
17. Барабанщиков, В. А. С. Л. Рубинштейн и Б. Ф. Ломов: преемственность научных традиций / В. А. Барабанщиков // *Проблема субъекта в психологической науке*. — М., 2000. — С. 43—52.
- Barabanshnikov, V. A. S. L. Rubinshtejn i B. F. Lomov: preemstvennost' nauchnyh tradicij* / V. A. Barabanshnikov // *Problema sub"ekta v psihologicheskoy nauke*. — М., 2000. — С. 43—52.
18. Брушлинский, А. В. Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. — М., 1994.
- Brushlinskij, A. V. Problemy psihologii sub"ekta* / A. V. Brushlinskij. — М., 1994.
19. Брушлинский, А. В. Субъект: мышление, учение, воображение / А. В. Брушлинский. — М.; Воронеж, 1996.
- Brushlinskij, A. V. Sub"ekt: myshlenie, uchenie, voobrazhenie* / A. V. Brushlinskij. — М.; Voronezh, 1996.
20. Брушлинский, А. В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности / А. В. Брушлинский // *Психологическая наука в России XX столетия*. — М., 1997. — С. 208—268.
- Brushlinskij, A. V. Ishodnye osnovanija psihologii sub"ekta i ego dejatel'nosti* / A. V. Brushlinskij // *Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija*. — М., 1997. — С. 208—268.
21. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский. — СПб., 2003.
- Brushlinskij, A. V. Psihologija sub"ekta* / A. V. Brushlinskij. — SPb., 2003.
22. Григорьев, С. В. Психология субъекта традиций: идентификации и развитие в пространстве празднично-игровой культуры / С. В. Григорьев // *Человек как субъект культуры* / под ред. Э. В. Сайко. — М., 2002. — С. 305—389.
- Grigor'ev, S. V. Psihologija sub"ekta tradicij: identifikacii i razvitie v prostranstve prazdnichno-igrovoj kul'tury* / S. V. Grigor'ev // *Chelovek kak sub"ekt kul'tury* / pod red. Je. V. Sajko. — М., 2002. — С. 305—389.
23. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. — М.: Рус. книжник, 1924.
- Dil'tej, V. Opisatel'naja psihologija* / V. Dil'tej. — М.: Rus. knizhnik, 1924.
24. Журавлев, А. Л. Психология коллективного субъекта / А. Л. Журавлев // *Сергей Леонидович Рубинштейн* / под ред. К. А. Абульхановой. — М., 2010. — С. 270—316.
- Zhuravlev, A. L. Psihologija kollektivnogo sub"ekta* / A. L. Zhuravlev // *Sergej Leonidovich Rubinshtejn* / pod red. K. A. Abul'hanovoj. — М., 2010. — С. 270—316.
25. Журавлев, А. Л. Развитие идеи С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / отв. ред. К. А. Абульханова. — М., 2011. — С. 216—233.
- Zhuravlev, A. L. Razvitie idei S. L. Rubinshtejna o samoopredelenii sub"ekta v sovremennoj social'noj psihologii* / A. L. Zhuravlev, A. B. Kuprejchenko // *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna* / отв. red. K. A. Abul'hanova. — М., 2011. — С. 216—233.
26. Карпов, А. В. Общая концепция субъективного выбора: структура, процесс, генезис / А. В. Карпов. — М.: ИП РАН, 2000.

Karpov, A. V. Obshhaja koncepcija sub"ektivnogo vybora: struktura, process, genezis / A. V. Karpov. — М. : IP RAN, 2000.

27. *Кольцова, В. А.* История психологии : Проблемы методологии / В. А. Кольцова. — М. : ИП РАН, 2008.

Kol'cova, V. A. Istorija psihologii : Problemy metodologii / V. A. Kol'cova. — М. : IP RAN, 2008.

28. *Коржова, Е. Ю.* Идеи С. Л. Рубинштейна о жизненном пути человека / Е. Ю. Коржова, Г. В. Семенова // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / отв. ред. К. А. Абульханова. — М., 2011. — С. 296—307.

Korzhova, E. Ju. Idei S. L. Rubinshtejna o zhiznennom puti cheloveka / E. Ju. Korzhova, G. V. Semenova // *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna* / отв. red. K. A. Abul'hanova. — М., 2011. — С. 296—307.

29. *Кудрявцев, В. Т.* Принцип саморазвития субъекта деятельности / В. Т. Кудрявцев // *Психол. журн.* — 1993. — № 3.

Kudrjavcev, V. T. Princip samorazvitija sub"ekta dejatel'nosti / V. T. Kudrjavcev // *Psihol. zhurn.* — 1993. — № 3.

30. *Логинава, Н. А.* Соотношение понятий «жизненный путь» (С. Л. Рубинштейн) и «жизненный цикл» (Б. Г. Ананьев) / Н. А. Логинава // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна* / отв. ред. К. А. Абульханова. — М., 2011. — С. 323—337.

Loginova, N. A. Sootnoshenie ponjatij «zhiznennyj put'» (S. L. Rubinshtejn) i «zhiznennyj cikl» (B. G. Anan'ev) / N. A. Loginova // *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna* / отв. red. K. A. Abul'hanova. — М., 2011. — С. 323—337.

31. *Моросанова, В. И.* От субъекта и личности к индивидуальной регуляции поведения / В. И. Моросанова // *Субъект и личность в психологии саморегуляции* / под ред. В. И. Моросановой. — М. ; Ставрополь, 2007. — С. 120—137.

Morosanova, V. I. Ot sub"ekta i lichnosti k individual'noj reguljacii povedenija / V. I. Morosanova // *Sub"ekt i lichnost' v psihologii samoreguljacii* / pod red. V. I. Morosanovoj. — М. ; Stavropol', 2007. — С. 120—137.

32. *Петровский, В. А.* Личность и психология / В. А. Петровский. — Ростов н/Д, 1996.

Petrovskij, V. A. Lichnost' i psihologija / V. A. Petrovskij. — Rostov n/D, 1996.

33. Проблема субъекта в психологической науке. — М. : ИП РАН, 2000.

Problema sub"ekta v psihologicheskoi nauke. — М. : IP RAN, 2000.

34. *Риккерт, Г.* Философия жизни / Г. Риккерт. — Пг. : ACADEMIA, 1922.

Rikkert, G. Filosofija zhizni / G. Rikkert. — Pg. : ACADEMIA, 1922.

35. *Рубинштейн, С. Л.* Принцип творческой самодеятельности / С. Л. Рубинштейн // *Учен. зап. высшей школы г. Одессы.* — 1922. — Т. 2. — С. 148—154.

Rubinshtejn, S. L. Princip tvorcheskoj samodejatel'nosti / S. L. Rubinshtejn // *Uchen. zap. vysshej shkoly g. Odessy.* — 1922. — Т. 2. — С. 148—154.

36. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М. : Учпедгиз, 1940; 2-е изд. — М. : Учпедгиз, 1946; 3-е изд. — М. : Педагогика, 1989.

Rubinshtejn, S. L. Osnovy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. — М. : Uchpedgiz, 1940; 2-e izd. — М. : Uchpedgiz, 1946; 3-e izd. — М. : Pedagogika, 1989.

37. *Рубинштейн, С. Л.* Принцип и пути развития психологии / С. Л. Рубинштейн. — М. : Наука, 1959.

Rubinshtejn, S. L. Princip i puti razvitija psihologii / S. L. Rubinshtejn. — М. : Nauka, 1959.

38. *Рубинштейн, С. Л.* Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М. : Педагогика, 1973.

Rubinshtejn, S. L. Problemy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. — М. : Pedagogika, 1973.

39. *Рубинштейн, С. Л.* Человек и Мир / С. Л. Рубинштейн. — М., 1997.

Rubinshtejn, S. L. Chelovek i Mir / S. L. Rubinshtejn. — М., 1997.

40. *Сайко, Э. В.* Субъект: созидатель и носитель социального / Э. В. Сайко. — М. ; Воронеж, 2006.

Sajko, Je. V. Sub"ekt: sozidatel' i nositel' social'nogo / Je. V. Sajko. — М. ; Voronezh, 2006.

41. Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. — М. : РОССПЭН, 2010.

Sergej Leonidovich Rubinshtejn / pod red. K. A. Abul'hanovoj. — М. : ROSSPEJN, 2010.

42. *Славская, А. Н.* Личность как субъект интерпретации / А. Н. Славская. — Дубна, 2002.

Slavskaja, A. N. Lichnost' kak sub"ekt interpretacii / A. N. Slavskaja. — Dubna, 2002.

43. *Славская, А. Н.* Ранний период научного творчества С. Л. Рубинштейна (методологический, теоретический, биографический анализы) / А. Н. Славская // *Психол. журн.* — 2009. — Т. 30, № 5. — С. 56—71.

Slavskaja, A. N. Rannij period nauchnogo tvorchestva S. L. Rubinshtejna (metodologicheskij, teoreticheskij, biograficheskij analizy) / A. N. Slavskaja // *Psihol. zhurn.* — 2009. — Т. 30, № 5. — С. 56—71.

44. *Славская, А. Н.* Ранний период творчества С. Л. Рубинштейна / А. Н. Славская // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. — М., 2010. — С. 34—61.

Slavskaja, A. N. Rannij period tvorchestva S. L. Rubinshtejna / A. N. Slavskaja // *Sergej Leonidovich Rubinshtejn* / pod red. K. A. Abul'hanovoj. — М., 2010. — С. 34—61.

45. *Старовойтенко, Е. Б.* Модели жизненных отношений личности в контексте онто-психологии С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. — М., 2010. — С. 346—379.
- Starovojtenko, E. B.* Modeli zhiznennyh odnoshenij lichnosti v kontekste onto-psihologii S. L. Rubinshtejna // Sergej Leonidovich Rubinshtejn / pod red. K. A. Abul'hanovoj. — M., 2010. — S. 346—379.
46. Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты / под ред. Э. В. Сайко. — М. ; Воронеж, 2001.
- Sub"ekt dejstvija, vzaimodejstvija, poznaniya. Psihologicheskie, filosofskie, sociokul'turnye aspekty / pod red. Je. V. Sajko. — M. ; Voronezh, 2001.
47. Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В. И. Моросановой. — М. ; Ставрополь, 2007.
- Sub"ekt i lichnost' v psihologii samoreguljacji / pod red. V. I. Morosanovoj. — M. ; Stavropol', 2007.
48. *Татенко, В. А.* Психология в субъектном измерении / В. А. Татенко. — Киев, 1996.
- Tatenko, V. A.* Psihologija v sub"ektnom izmerenii / V. A. Tatenko. — Kiev, 1996.
49. Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / отв. ред. К. А. Абульханова. — М. : ИП РАН, 2011.
- Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshtejna / отв. red. K. A. Abul'hanova. — M. : IP RAN, 2011.
50. *Форверг, М.* Индивидуализация личности / М. Форверг // Применение концепции С. Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. — М., 1989. — С. 176—191.
- Forverg, M.* Individualizacija lichnosti / M. Forverg // Primenenie koncepcii S. L. Rubinshtejna v razrabotke voprosov obshhej psihologii. — M., 1989. — S. 176—191.
51. Человек как субъект культуры. — М. : Наука, 2002.
- Chelovek kak sub"ekt kul'tury. — M. : Nauka, 2002.
52. *Абульханова-Славская, К. А.* The life course and creative activity in science of the soviet psychologist S. L. Rubinstein (1889—1960) / К. А. Абульханова-Славская // Summary for the 8th Meeting of cheiron European. — Goteborg, 1989.
- Abulkhanova-Slavskaya, K. A.* Rubinstein's Concept of the Subject of Activity / K. A. Abulkhanova-Slavskaya // The 2nd International Congress for Research and Activity Theory. — Lahti, 1990.
54. *Абульханова-Славская, К. А.* Le sujet de l'activite de l'activite selon S. L. Rubinstein / К. А. Абульханова-Славская // Rubinstein adjourns d'Novelles figures de L'activite humaine / ed. by V. Nosulenko, P. Rabardel. — Toulouse ; Paris, 2007. — P. 83—128.